

На правах рукописи

Грушин Сергей Петрович

**КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ
БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул – 2002

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета

Научные руководители: доктор исторических наук,
профессор Кирюшин Ю.Ф.;

кандидат исторических наук,
доцент Тишкин А.А.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Бобров В.В.;

кандидат исторических наук
доцент Васильев Е.А.

Ведущая организация: Институт археологии РАН

Защита диссертации состоится 5 июня 2002 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.005.01 в Алтайском государственном университете по адресу: 656000, Барнаул, пр-кт Ленина 61, ауд. 327.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета

Автореферат разослан «___» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. С момента выделения кротовской и елуинской археологических культур эпохи ранней бронзы в Верхнем Приобье (Молодин, 1977; Кирюшин, 1985) прошло почти два десятилетия. Проблема соотношения данных культур остается актуальной до настоящего времени. Среди материалов лесостепного Алтая отмечен крохалевский тип керамики, посуда типа Новенькое-VI, «гребенчатый» тип керамики (Абдулганеев, 1985). Некоторыми исследователями высказана идея о синхронном существовании на обозначенной территории отличной от кротовской и елуинской особой археологической культуры (Уманский, 1992). Для северо-западных предгорий Алтая выделена колыванская археологическая культура эпохи энеолита (Алехин, 1999), материалы которой проявляют сходство с елуинскими комплексами (Грушин, 2001). Характер соотношения выявленных групп памятников и керамики, границы их распространения до настоящего времени не определены, поэтому данная проблема является актуальной. Изучение осложняется тем обстоятельством, что большинство керамических материалов, на основе которых были выделены типы, происходят из многослойных поселений и не встречены в погребальных закрытых комплексах.

К настоящему времени накоплено большое количество источников по изучению эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая. Так, определенным качественным этапом в исследованиях стало открытие и изучение поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука в Алейском районе (Кирюшин, Тишкин, 1995, 1996, 1997, 1998; Кирюшин, Гальченко, Тишкин, 1995; Тишкин, 1998; 2001; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1999; 2001 и др.). Материалы с памятника являются одинокультурным и несмешанным с поздними комплексами по причине специфики формирования и дальнейшей природной консервации культурного слоя (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, 1998), поэтому данное поселение следует рассматривать как базовый памятник эпохи ранней бронзы для лесостепного Алтая и сопредельных территорий. Также перспективными в научном отношении являются материалы, полученные в ходе раскопок погребально-поминального комплекса Телеутский Взвоз-I (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1998; 1999; 2000; 2000а; Тишкин, Грушин, 2000; Грушин, 2000). К настоящему времени на этом памятнике раскопано 36 погребений эпохи ранней бронзы, что позволяет считать его самым большим по числу исследованных объектов этого времени на территории Верхнего Приобья. Кроме захоронений на территории могильника

впервые раскопаны объекты ритуального и поминального характера. С учетом новых данных общее число раскопанных погребений на обозначенной территории достигло 80. Таким образом, накопление новых данных диктует необходимость их обобщения на более высоком познавательном уровне с учетом прежних научных разработок.

Цели и задачи исследования. Целью работы является характеристика содержания елунинской культуры населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая. Достижению данной цели способствует решение следующих задач:

1. Проанализировать основные культурно-хронологические концепции и отдельные аспекты археологической периодизации на основе подробного рассмотрения истории открытия и изучения археологических памятников лесостепного Алтая эпохи ранней бронзы;

2. Зафиксировать основные элементы погребальных сооружений, реконструировать различные аспекты погребально-поминальной практики древнего населения;

3. Классифицировать следы-отпечатки, составляющие орнамент на посуде памятников эпохи ранней бронзы; произвести статистическую обработку по технике орнаментации керамики с наиболее традиционных в этом отношении памятников; выявить орнаментальные традиции в рассматриваемых комплексах;

4. Провести научный анализ наиболее показательных вещей, разработать классификацию массовых, хронологически и культурно значимых изделий исследуемой эпохи;

5. Определить абсолютную и относительную хронологию памятников, предоставить вариант решения проблемы происхождения елунинской культуры и ее внутренней периодизации;

6. Выявить культурно значимые признаки-индикаторы для памятников юга Западной Сибири; обосновать территорию распространения населения елунинской культуры и определить ее соотношение с сопредельными образованиями.

Территориальные и хронологические рамки. Под лесостепным Алтаем понимается территория, примыкающая с севера к Алтайской горной системе и включающая в себя несколько географических провинций: Обскую пойму, Приобское плато, Предалтайскую равнину, Кулундинскую низменность, Предсалаирскую равнину и Бийско-Чумышскую возвышенность. Этот регион охватывает лесостепи и большие степные участки, чередующиеся с сосновыми ленточными борами. Стык ландшафтно-географических зон данной территории, на наш взгляд, во многом предопределил характер протекания здесь этнокультурных процессов в эпоху ранней бронзы. Открытость со стороны

казахстанских степей, наличие надежных природных ориентиров (ленточных боров и левых притоков Оби, простирающихся с ЮЗ на СВ) способствовали проникновению в лесостепной Алтай и в более восточные районы населения с западных и с юго-западных территорий. Такая направленность миграционных потоков, определившая ход историко-культурных процессов в регионе, фиксируется на археологическом материале неолита, бронзы и более поздних эпох. Хронологические рамки исследования охватывают XX–XVII вв. до н.э.

Источниковой базой диссертационной работы являются археологические материалы, полученные как в результате собственных раскопок, проведенных автором на протяжении ряда полевых сезонов с 1997 по 2001 г. в Угловском и Павловском районах Алтайского края, так и материалы, полученные другими исследователями. Памятники в разное время изучались А.П. Киршевским, М.П. Грязновым, М.Н. Комаровой, Б.Х. Кадиковым, Ю.Ф. Кирюшиным, А.П. Уманским, А.Л. Кунгуровым, В.Б. Бородаевым, М.Т. Абдулганеевым, А.Б. Шамшиным, А.А. Тишкиным, А.А. Казаковым, В.В. Горбуновым, Г.Е. Ивановым, Ю.П. Алехиным, А.В. Шмидтом и некоторыми другими. Археологические материалы хранятся в различных учреждениях таких городов, как Санкт-Петербург (ГЭ), Барнаул (АГКМ, МАЭА при АГУ, НИИ ГИ при АГУ, музей БГПУ), Бийск (БКМ), Змеиногорск (Музей истории развития горного производства на Алтае) и др. В работе используются неопубликованные материалы с поселений Кротово-VII/VIII, Ирба, Киприно (сборы и раскопки 1953 г. М.Н. Комаровой); Березовая Лука (сборы и раскопки А.А. Тишкина 1997–2000 гг.); с могильников Чудацкая Гора (сборы и раскопки 1925 и 1927 гг. М.П. Грязнова) и Телеутский Взвоз-I (раскопки 1996 г. А.А. Казакова, 1997 г. А.А. Тишкина и 1998 г. В.В. Горбунова).

Методология и методика. Методологической основой исследования послужили общепhilosophические подходы к изучению закономерностей связи вещей, явлений и процессов. Учитывались основные положения исторического материализма о закономерностях социально-экономического развития общества, о роли географической среды, переселений, традиций в культуре и исторических процессах. Важным методологическим аспектом являлась теория отражения хозяйственной деятельности на уклад жизни, погребальный обряд. Исследование построено на общетеоретических разработках о познавательных возможностях археологии как науки, о специфике археологических источников, представленных в работах В.Ф. Генинга, В.В. Генинга, И.С. Каменецкого, Л.С. Клейна и др. Методика конкретных исследований включает, прежде всего, традиционные археологические прие-

мы исследований: картографирование, планиграфический и стратиграфический анализы, классификацию вещевого комплекса, метод датированных аналогий, формально-типологический анализ, элементы и приемы статистики, ретроспективный метод. В работе использованы результаты исследований, полученные с помощью естественнонаучных методов: радиоуглеродный, полуколичественный спектральный анализы, данные антропологии, палеозоологические, трасологические, петрографические определения и некоторые другие.

Новизна работы состоит в обобщающем характере исследования, в котором нашло отражение решение вопросов культурной принадлежности памятников лесостепного Алтая эпохи ранней бронзы. Подробно рассмотрена многолетняя история открытия и изучения археологических памятников указанного периода, показано развитие концептуальных подходов к решению проблемы археологической периодизации. На примере исследования могильников продемонстрированы некоторые возможности применения планиграфических данных для социокультурных реконструкций. Также вводятся в научный оборот новые и малоизвестные материалы. С учетом данных, полученных в результате раскопок последних лет, впервые подробно рассматривается погребальный обряд населения исследуемой эпохи, представлен вариант решения проблемы относительной хронологии памятников. Прделанная работа дала возможность по-иному взглянуть на историко-культурную ситуацию в лесостепном Алтае, четко обозначить территорию распространения елунинской культуры, выявить культурно значимые признаки не только в керамике, но и в погребальном обряде, в предметном комплексе. В результате проведенного исследования автором был представлен вариант решения проблемы происхождения елунинской культуры, соотношения с сопредельными образованиями, особенно с кротовской археологической культурой.

Представительная серия абсолютных дат, полученных в результате радиоуглеродного анализа проб, взятых с однослойного поселения Березовая Лука и из могильника Телеутский Взвоз-I, позволила с высокой степенью точности определить время функционирования памятников елунинской культуры.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих научных трудов по древней истории Западной Сибири и сопредельных территорий, а также в разработке спецкурсов для студентов исторических факультетов вузов. Отдельные разделы работы могут использоваться при написании методических пособий по

классификации и типологии вещевого комплекса, реконструкции отдельных элементов погребального обряда.

Апробация работы. Основные положения данного исследования были представлены на региональных, всероссийских и международных конференциях и семинарах в городах Санкт-Петербурге (1996, 1998, 2002 гг.), Уфе (1997 г.), Новосибирске (1999–2001 гг.), Иркутске (1996 г.), Красноярске (1997 г.), Челябинске (1997 г.), Сургуте (1997 г.), Самаре (1998–1999 гг.), Улан-Удэ (1998 г.), Волгограде (2000 г.), Омске (2000 г.), Томске (2001 г.), Барнауле (1997–2002 гг.) и др. Результаты исследований, проведенных автором диссертации, отражены в 43 научных публикациях.

Структура работы. Состояние источников, степень изученности темы, а также сформулированные цели и задачи исследования определили следующую структуру работы: введение, четыре главы, по три параграфа каждая, заключение и три приложения (краткое описание памятников эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая; результаты исследования погребально-поминального комплекса Телеутский Взвоз-I; альбом с рисунками, таблицами и диаграммами).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки, обозначена источниковая база, методологические подходы и методика изучения археологического материала, научная новизна.

Глава I.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В первом параграфе выделено три взаимосвязанных периода в изучении памятников эпохи ранней бронзы на территории лесостепного Алтая. Этап первоначального накопления материала, с момента первых археологических находок в 20-х гг. вплоть до 70-х гг. XX в., характеризуется почти полным отсутствием попыток какой-либо аргументированной систематизации полученного материала. Открытые комплексы не идентифицировались с начальным периодом эпохи бронзы, а относились к более раннему или к более позднему времени. В этот период были открыты такие памятники, как Енисейское, Малоугренево, Боровое-III, комплекс поселений на оз. Иткуль, Чудацкая Гора, Кроново-VII/VIII, Морайка, Ирба, Пески-I, II и др. Среди исследований аналитического плана можно отметить публикацию

М.П. Грязнова (1930) и статью М.Н. Комаровой (1956). В период первоначального осмысления материала (70-е гг. XX в.) преобладали работы аналитического и интерпретационного характера. Их особенность состояла в том, что памятники лесостепного Алтая упоминались лишь для иллюстрации выводов, сделанных на материалах сопредельных территорий – Барабы, Прииртышья, Приобья. Важным достижением первого этапа изучения было выделение из большого массива археологического материала Западной Сибири комплексов эпохи ранней бронзы (логоиновский, кротовский и другие типы керамики). Большое значение имело выделение В.И. Молодиным (1977) кротовской археологической культуры. Известные на тот период времени материалы эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая относились к самусьской (В.И. Матю-щенко), окуневской (Г.А. Максименков, А.П. Уманский) или кротовской (В.И. Молодин) археологическим культурам. С открытием в АГУ в 1978 г. Лаборатории археологии, этнографии и истории начался этап целенаправленного изучения памятников эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая. В этот период времени в научный оборот вводится большой массив источников, исследуются погребальные комплексы (Бородаев, Кунгуров, 1980; Кирюшин, 1980; 1985; 1987). На основе анализа и систематизации всего имеющегося материала Ю.Ф. Кирюшин (1986) выделил елунинскую археологическую культуру эпохи ранней бронзы. За последнее десятилетие определенным качественным этапом в исследованиях стало открытие и изучение поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука и погребально-поминального комплекса Телеутский Взвоз-I.

Во втором параграфе рассмотрено изучение сейминско-турбинской проблематики в контексте памятников лесостепного Алтая. Научное осмысление данного феномена прошло в своем развитии несколько взаимосвязанных этапов: нахождение отдельных предметов, относящихся к сейминско-турбинской традиции; гипотеза о наличии на Алтае одного из очагов сейминско-турбинского производства; открытие сейминско-турбинских вещей в закрытых погребальных комплексах; предположение об алтайском происхождении некоторых групп предметов сейминско-турбинской традиции (выгнутообушковы ножи со скульптурным навершием); гипотеза о зарождении на Алтае всего сейминско-турбинской феномена; определение археологической культуры, связанной с формированием сейминско-турбинских традиций.

В третьем параграфе показано развитие концептуальных подходов к периодизации памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири. Определены, по крайней мере, три позиции по данной проблеме: энеолит,

ранняя, развитая и поздняя бронза (М.Ф. Косарев; Ю.Ф. Кирюшин); неолит, ранний бронзовый век, поздний бронзовый век (В.И. Матюшенко); эпоха раннего металла, развитый и поздний бронзовый век (В.И. Молодин).

Глава II.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Во второй главе содержится характеристика основных элементов погребального обряда. В первом параграфе демонстрируются некоторые возможности использования планиграфических данных могильников в социокультурных реконструкциях на основе изучения памятника Телеутский Взвоз-I. Могильник представляет собой конгломерат поминально-погребальных объектов нескольких древних культур эпохи ранней, развитой и поздней бронзы, раннего железного века, монгольского времени и этнографической современности. Планиграфический анализ сооружений позволил установить, что строители погребений каждого последующего периода производили их за пределами могильников предшествующего времени. Поэтому на одной территории расположены комплексы «через эпоху», т.е. формирование разновременного погребального памятника происходило по своеобразному принципу «маятника». Зафиксированные планиграфические закономерности позволили выявить факторы, которыми пользовались люди при выборе места под могильник, а также отметить особенности восприятия «чужого» кладбища.

Во втором параграфе нашли отражение конкретные планиграфические ситуации, зафиксированные на могильниках эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая. Наиболее полно изучен памятник Телеутский Взвоз-I. Погребения группируются параллельными рядами, вытянутыми по линии СЗ-ЮВ или С-Ю. Выявлено шесть рядов, которые, вероятно, представляют собой группы погребений, принадлежащие членам одного рода, т.е. своеобразные родовые микрокладбища в рамках общего могильника. В границах одного ряда в некоторых случаях прослеживаются несколько групп могил, которые фиксируют, вероятно, захоронения ближайших родственников. В 3–5 м к востоку, северо-востоку от многих могил располагался поминальник. Он представлял собой яму с сосудом. Сакральным центром могильника являлось культовое сооружение, расположенное в центре мыса. Оно представляло собой систему объектов, центром которой был вертикально стоящий деревянный столб. От данного сооружения отходили в радиальном направлении три рва. К северу от сооружения

фиксирувалось два прокала от костра и большое скопление костей животных, среди которых отмечены нижние челюсти лошади.

На исследованных участках могильного поля памятника Староалейка-II зафиксированы четыре могилы, расположенные по окружности. На памятнике Цыганкова Сопка-II основная часть раскопанных могил располагалась в ряд, вытянутый с ЮЮВ на ССЗ. Остальные исследованные погребения находились к востоку или северо-востоку от них. Сравнительный анализ выявленных групп показал, что могилы основного ряда и погребения, расположенные за его пределами, отличаются и по другим элементам погребального обряда (по количеству погребенных, их ориентации и положению). Выявленная зависимость ориентировки умершего в определенную сторону света от его положения в могиле подтвердилась планиграфически.

В третьем параграфе характеризуются погребальные комплексы и реконструируются отдельные элементы погребального обряда.

Погребальные конструкции. На памятниках Староалейка-II и Телеутский Взвоз-I в могильных ямах зафиксированы остатки погребальных камер. Конструкция состояла из деревянной рамы. Перекрытие составлялось из продольных плах, на которые в некоторых случаях помещалась береста. В части захоронений зафиксированы остатки вертикально стоящих столбов в виде древесного тлена и столбовых ямок на дне могильной ямы. Тело умершего человека укладывалось на специально подготовленную погребальную подстилку, которая состояла из веточек, камыша или плашек шириной до 2 см, помещавшихся продольно на дно могилы, а на них укладывалась береста в несколько слоев.

Ориентация и положение похороненных людей в могиле. Анализ общего количества погребенных, у которых удалось определить ориентацию по сторонам света (61 случай – 100%), показал, что в подавляющем большинстве случаев умершие ориентировались головой на восток – 28 случаев (45,9%) и северо-восток – 22 случая (36,1%). В четырех случаях (6,6%) отмечена юго-западная и юго-восточная ориентация, в двух (3,2%) – северная. В одном случае умерший был ориентирован головой на северо-запад (1,6%). Таким образом, вероятным ориентиром при определении положения тела умершего человека в погребении была точка восхода солнца, так как черепом в восточный сектор ориентировано 88,6% зафиксированных останков. Отмечены случаи, когда умерший был ориентирован головой в направлении расположения поминальника. Преобладало положение погребенных на левом боку, с согнутыми ногами – 41 случай (51,25%). За 100% были взяты 80 случаев, в которых удалось зафиксировать позу погребенно-

го. В аналогичной позе, но на правом боку известно 9 случаев (11,25%). Такой же процент принадлежит положению на спине с согнутыми в коленях и повернутыми влево ногами. В 17 зафиксированных ситуациях (21,25%) останки умерших располагались беспорядочно на дне могильной ямы, в 4 случаях (5%) кости человека концентрировались компактным скоплением. Положение рук умерших очень разнообразно: согнутые в локтях, кисти у лица; полусогнуты, кисти в районе пояса; согнутые в локтях, кисти на груди; одна рука вытянута под углом к туловищу, другая согнута в локте, кисть у лица; вытянуты, кисти между ног; руки одного погребенного обнимают другого.

Вторичные захоронения. Большой процент из раскопанных могил принадлежит погребениям, в которых останки умерших находятся не в анатомическом положении. К диагностирующим признакам вторичных захоронений, по нашему мнению, относятся следующие факты: кости умершего лежат в могиле небольшой компактной кучкой (могила №42, Староалейка-II; могила №19, Телеутский Взвоз-I); кости умершего лежат в беспорядке по всей площади могилы, причем в заполнении могильной ямы костей человека не встречено (могилы №6, 51, 53, 65, Староалейка-III). До погребения тело умершего помещалось на специально сооруженный над могилой погребальный помост (реконструкция Ю.Ф. Кирюшина (1987) погребального обряда, совершенного в могиле №6, Староалейка-II), после разложения связок кости укладывались в могилу под настилом. В первом случае они помещались, вероятно, сначала в мешок, который затем клали в могилу, во втором – беспорядочно сыпались.

Подзахоронения. Некоторые исследованные могилы дают основания трактовать их как результат многоактовой погребальной деятельности. Такие факты периодических подзахоронений фиксируются в нескольких вариантах. Коллективное погребение, в котором кости одного человека лежат в полном анатомическом порядке, а останки других – в беспорядке. Подобные случаи свидетельствуют о том, что при очередном подзахоронении кости предшественников сдвигались в сторону. Останки последнего по времени погребенного человека оказывались нетронутыми. В некоторых случаях подзахоронение не нарушало более ранние погребения. Признаком многоактового действия в последнем случае выступает наличие гумусированных прослоек (Бородаев, Кунгуров, 1980). Вероятно, такие факты говорят также и об отсутствии погребальной камеры.

Кенотафы. В качестве исходного объекта изучения был взят погребальный памятник, обладающий на момент исследования признаками кенотафа. Рассмотрение большого количества археологических,

этнографических и фольклорных источников по данной теме позволило выделить две большие группы памятников: обрядовую и фиктивную (Грушин, 1996; 1996а; 1997; Тишкин, Грушин, 1997; 1997а). В обрядовую группу входят кенотафы, появившееся в результате деятельности людей, направленной на специальное сооружение погребально-поминальных памятников, в которых тело умершего человека намерено не было захоронено. Поводом для обрядовой практики сооружения кенотафов на родовом кладбище могли выступать различные обстоятельства: отсутствие тела покойного; похороны умершего вдали от родины и необходимость сооружения второго погребения (кенотафа) на родовом кладбище и т.д. Фиктивные кенотафы появились в результате перезахоронения останков погребенного человека (реальное погребение до момента его окончательного устройства носило характер временного погребения, после перезахоронения приобрело формальные черты кенотафа); разрушение тела человека в могиле (при ограблении, осквернении или в силу природных условий залегания). На могильнике Староалейка-II исследовано четыре кенотафа (могилы №17, 70, 71, 72). Рассматриваемые объекты входят в одну планиграфическую группу с реальными погребениями (Кирюшин, 1987). Никакого инвентаря, кроме металлической бусины в могиле №70, в кенотафах не обнаружено. Могильные ямы №70–72 имеет небольшие размеры (0,4×0,15 м), что позволяет их трактовать как детские погребения, в которых по объективным причинам не сохранились останки погребенных (Кирюшин, 1987). Поэтому, вероятнее всего, мы имеем дело с фиктивными кенотафами. Возможно, исключение составляет могила №17, которая имеет стандартные размеры для взрослого человека, и где были зафиксированы охра и угли. На могильнике Телеутский Взвоз-I исследован один кенотаф – объект №15, в котором зафиксированы остатки коры, мелкие кальцинированные кости и фрагмент керамики. Рассматриваемый объект также входит в одну планиграфическую группу с реальными погребениями.

Использование животных в погребальном обряде. Костные останки животных зафиксированы в 19 погребениях на могильнике Телеутский Взвоз-I (могилы №1–3, 5, 7–12, 15, 16, 20–21, 24, 28–29, 32, 36), в 3 могилах на могильнике Староалейка-II (могилы №1, 23, 63), в 2 – на памятнике Цыганковая Сопка-II (могилы №1, 4) и в одной – на могильнике Елунино-I (могила №3) и поселении Березовая Лука. Данные находки представлены костями м.р.с., к.р.с., лошади, птицы, рыбы. Отдельно необходимо отметить птичьи яйца, обнаруженные в двух погребениях (могилы №15, 32, на могильнике Телеутский Взвоз-I). Кости животных помещались как на дне могильных ям, так и в их за-

полнении, кроме того, большое количество костных останков животных обнаружено на территории могильника в межмогильном пространстве и в заполнении ритуальных рвов, зафиксированных на могильнике Телеутский Взвоз-I. Данные свидетельства позволяют говорить о том, что животные использовались в жертвоприношениях, в качестве погребальной загробной пищи и поминальной тризны, совершаемой периодически родственниками.

Использование огня. Огонь являлся важным элементом в погребальном обряде населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы. Об этом свидетельствуют многочисленные следы в захоронениях этого времени: угли, обгорелые остатки погребальной камеры, обожженные стенки могильных ям и т.д. Можно выделить два варианта использования огня в погребальной практике: сожжение на стороне с последующим погребением праха – могила №22 на могильнике Староалейка-II (Кирюшин, 1987); разведение костра на перекрытии погребальной камеры, после того, как тело умершего было уложено в камеру по всем канонам погребального обряда.

Отдельные захоронения черепов. На материале исследованных погребений можно выделить несколько вариантов подобной практики. Один из них – захоронение черепа человека в отдельном погребении. Некоторые могильные ямы таких захоронений имеют малые размеры, другие – стандартные, рассчитанные на целое тело умершего человека. Имеются захоронения черепов людей в канавках на дне могилы (Кирюшин, 1987). В некоторых случаях черепа были захоронены на уровне материка или в заполнении могильной ямы до деревянного перекрытия (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996). Важно отметить, что в трех описанных случаях захоронение черепов сопровождало погребение ребенка.

На всех исследованных могильниках этого времени обнаружены следы охры в виде отдельных кусочков; точек на отдельных костях человеческого скелета; полностью окрашенных костяков, окрашенного древка стрелы. В одном погребении зафиксирована меловая подсыпка (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996).

Погребальный инвентарь. Из 82 раскопанных погребений 33 могилы (40,2%) были безинвентарными. Среди погребального инвентаря можно отметить сосуды, как правило, небольших размеров, которые были обнаружены в 20 погребениях, еще в 14 найдены отдельные фрагменты сосудов. Таким образом, количество захоронений, сопровождаемых керамикой, составляет около 41,5% от общего числа исследованных могил. Месторасположение посуды относительно погребенного человека различно. В могилах №16, 20, 26 на могильнике Те-

леутский Взвоз-I зафиксировано по два сосуда. Погребения людей сопровождались стрелами с костяными, каменными или металлическими наконечниками, в одном из исследованных погребений на данном могильнике найден деревянный наконечник стрелы – томара. Бронзовый инвентарь представлен боевыми и хозяйственными ножами, четырехгранными шильями с деревянной рукояткой и чехлом, наконечником стрелы. Среди каменного инвентаря можно отметить песты, оселок, шлифованный нож с выраженной рукояткой, каменные диски. В могиле №1 на памятнике Телеутский Взвоз-I обнаружено 16 астрагалов барана с подшлифовкой одной стороны. Среди украшений необходимо отметить свинцовые серьги, которые сопровождали детские захоронения, браслет из костяных и пастовых бусин, найденный на запястье скелета подростка в могиле №16 на могильнике Телеутский Взвоз-I.

Погребения на поселениях. Такой элемент погребального обряда, как сооружения погребений на поселении, зафиксирован в культурном слое памятника Озерки Восточные, где выявлены два захоронения взрослых людей. На поселении Березовая Лука обнаружены четыре детских погребения, расположенных вокруг котлована жилища. Захоронения совершены в материке по всем канонам погребального обряда населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая (на левом боку, головой на восток). Такие захоронения известны на поселениях петровской (Зданович, 1988) и алакульской культур (Ткачев, 1987). Традиция сооружения погребений на поселениях уходит своими корнями в погребальную практику населения раннеземледельческих культур VIII–VII тыс. до н.э. Северной Месопотамии (Бадер, 1989).

Глава III.

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В первом параграфе приводится характеристика техники орнаментации керамической посуды. Статистической обработке были подвергнуты керамические комплексы поселений Березовая Лука, Боровое-III, Кротово-VII/VIII, могильников Телеутский Взвоз-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II, Чудацкая Гора, содержащие наиболее массовые керамические коллекции.

Березовая Лука. Керамический материал с поселения Березовая Лука представлен 6466 экз., определяемыми по технике орнаментации фрагментов. Венчики составляют 771 экз., фрагменты днищ и придонных частей – 447 экз., стенок – 8457 экз. Учетные фрагменты стенок, которые диагностически определимы, составляют группу из 5248 экз. (100%). Преобладающей техникой нанесения орнамента является «шагающая гребенка» – 3404 экз. (64,86%). Второе место занимает техника

«отступающей палочки» – 1160 экз. (22,1%). «Гребенчатой качалкой» украшено 515 экз. (9,81%), «отступающей гребенкой» – 81 экз. (1,54%), «проташенной палочкой» – 29 экз. (0,55%); «гребенчатым штампом» – 18 экз. (0,34%); вдавлениями – 9 экз. (0,17%); «проташенной гребенкой» – 10 экз. (0,2%); насечками – 3 экз. (0,06%); нарезками – 3 экз. (0,06%); наколами – 4 экз. (0,08%); ногтевыми защипами – 1 экз. (0,02%); «ложным текстилем» – 3 экз. (0,06%). Заглаживание поверхности сосуда шпателем отмечено на 8 экз. (0,15%). Волнистый валик присутствует на 18 экз.; двойной, прямой валик – 7 экз.; двойной валик (прямой и волнистый) – 2 экз., один прямой валик – 20 экз. Анализ распространения керамики по технике нанесения орнамента в объёмах и по слоям демонстрирует, что практически каждая группа керамики внутри себя отражает процентное соотношение, сопоставимое в полной мере с каждой группой и с картиной в целом по памятнику. Устойчивое сочетание различных приемов орнаментации по разным слоям и по объектам может свидетельствовать о культурной целостности и наличии устойчивых традиций в орнаментации посуды на протяжении всего периода функционирования поселения.

Боровое-III. Комплекс представлен 668 фрагментами (Грушин, 1998). Анализ венчиков (56 экз.), стенок (507 экз.), днищ и придонных частей (105 экз.) показал, что в данной коллекции представлены фрагменты не менее чем 93-х сосудов. За 100% было взято общее количество фрагментов от разных сосудов – 93 экз. 36,55% фрагментов украшено «шагающей гребенкой», «гребенчатым штампом» – 15,05%, «гребенчатой качалкой» – 7,52%, «отступающей палочкой» – 6,5%, «гладкой качалкой» – 5,37%, «прочерчивание палочкой» – 5,37%, насечками – 4,3%, «отступающей гребенкой» – 2,15%, прокатыванием зубчатого инструмента – 2,15%, заглаживанием щепой или гребенкой – 2,15%; «шаганием», выполненным челюстью (?) какого-то животного, – 1,07%. Фрагменты от 11 сосудов неорнаментированы. На четырех фрагментах зафиксирован валик.

Телеутский Взвоз-I. Комплекс состоит из 17 археологически целых сосудов, происходящих из погребений. В межмогильном пространстве могильника обнаружено 10 целых сосудов и 11 придонных частей. Кроме этого, в коллекцию входят 11 экз. венчиков и около 30 экз. от стенок разных сосудов. По высоте сосуды распределяется на две группы. Средняя высота сосудов из погребений – 11,5 см, из поминальников – 28,6 см. Среди сосудов из погребений четко выделяется небольшая серия сосудиков небольших размеров, их высота всего 6 см. Выделено шесть основных типов сосудов по их форме. Тип 1: посуда баночной формы с прямой вертикальной горловиной и со зна-

чительным сужением ко дну в центральной части тулова. Тип 2: сосуды баночной формы с вертикальной горловиной и стенками. Тип 3: сосуды горшечно-баночной формы с сильно раздутым туловом, относительно узкой горловиной и с отогнутым наружу венчиком. Тип 4: посуда горшечно-баночной формы характеризуется слегка отогнутым в плавном изгибе наружу венчиком. Тип 5: сосуды закрытой баночной формы со слегка раздутым туловом – закрытые банки. Тип 6: сосуд с округлым в плане абрисом устьем, дном, и квадратным со слегка закругленными углами туловом. За единицу исчисления был принят орнаментальный мотив, выполненный с помощью той или иной техники орнаментации. За 100% – общее их количество (131). Преобладающей техникой нанесения орнамента является «шагающая гребенка», которой орнаментировано 45,9% мотивов. «Гребенчатая качалка» составляет 15,8%, «отступающая палочка» – 12,0%, «гладкая качалка» и «гладкий штамп» – по 6,0%, «пальцевые вдавления» – 4,5%, «прочерчивание палочкой» – 1,5%, насечки – 1,5%, «отступающая гребенка» – 1,5%, «гребенчатый штамп» – 1,5%, наколы – 0,8%, неорнаментированных зон – 3%. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые мотивы, а следовательно, и техника орнаментации распространены в определенных зонах сосуда.

Староалейка-II. Коллекция насчитывает 9 целых сосудов, 3 фрагмента венчика и одну придонную часть. Отмечены формы сосудов 1, 4 и 5 типов. Основная техника орнаментации на посуде представлена «шагающей гребенкой», которой украшено 40,1% и «гребенчатой качалкой» – 34,8%. Насечки и вдавления составляют по 11%, следы «гребенчатого штампа» – 3,1%.

Цыганкова Сопка-II. В коллекции представлено четыре археологически целых сосуда и два венчика. Преобладающей техникой орнаментации является «шагающая гребенка», мотивы которой составляют 59,2%, отпечатки угла лопатки – 13,6%, «гребенчатая качалка» – 9,1%. Вдавления (13,6%) и насечки (4,5%) присутствуют только на срезе венчика. Валик отмечен в четырех случаях.

Чудацкая Гора. Комплекс представлен 10 целыми сосудами, 15 венчиками, 26 фрагментами придонных частей и 175 фрагментами от стенок сосудов. Отмечены формы сосудов 1, 2 и 3 типов. Статистический анализ показал, что преобладающей техникой орнаментации является «отступающая палочка» – 58,2%. «Шагающая гребенка» составляет 24,8%, «проташенная палочка» – 11,9%, «гребенчатая качалка» – 2,1%, «гребенчатый штамп» и заглаживание – по 1%, вдавления и насечки – по 0,5%.

Кротово-VII/VIII. Обработана коллекция с данного памятника, которая происходит из раскопок и сборов 1953 г. М.Н. Комаровой (ГЭ, коллекция №63/2). Комплекс состоит из 32 венчиков, 5 фрагментов от придонной части и 155 фрагментов от стенок сосудов. «Шагающей гребенкой» украшено 79,9% фрагментов, «гребенчатой качалкой» – 18%, «гребенчатым штампом» – 0,7%, насечками – 0,7%, наколами – 0,7%. Валик присутствует на 12 фрагментах венчиков, что составляет всего 37,5% от общего количества венчиков. Для всех комплексов характерны два основных типа композиционного построения орнамента. 1. Полностью орнаментированные стенки сосудов рядами оттисков, выполненных одной техникой без разделения на зоны. Чаще всего это горизонтальные, реже вертикальные ряды оттисков «шагающей гребенки». 2. Сосуды, орнаментированные с разделением на зоны. Под венчиком наносились наклонные ряды. Тулово покрывалось прямыми горизонтальными рядами оттисков до дна. В некоторых случаях разделителем между зонами был валик, прочерченная линия или зигзаг. Часть сосудов имеет более сложное композиционное построение орнамента.

Во втором параграфе представлен анализ орудий труда и украшений. Основную массу предметов у населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы составляли изделия из кости. Коллекция **наконечников стрел** насчитывает более 70 предметов. Категория отражает функциональное назначение предмета, группа – материал из которого изготовлен наконечник, разряд – характер насада, раздел уточняет особенности перехода от пера к черешку, отдел фиксирует горизонтальное сечение пера, тип – общий абрис пера, вариант отражает другие особенности наконечников (форму и размер черешка, упора). К группе костяных наконечников относится 43 экз. Известны два наконечника, сделанные из рога, и один – из дерева. *Группа* костяных наконечников стрел, *разряд* черешковых, *раздел* с выраженным упором для древка, представленный сужением в нижней части пера, с наличием плеча-упора. **Тип 1:** шестигранные в сечении, с игловидным пером. **Тип 2:** восьмигранные в сечении, с игловидным пером. **Тип 3:** девятигранные в сечении, с игловидным пером. **Тип 4:** ромбовидные в сечении, с подтреугольным пером. **Тип 5:** подпрямоугольные в сечении, с «пламевидным» абрисом пера. **Тип 6:** подпрямоугольные в сечении, с подтреугольным абрисом пера. **Тип 7:** квадратные в сечении, с игловидным абрисом пера. **Тип 8:** квадратные в сечении, с пламевидным абрисом пера. *Раздел* – наконечники без выраженного упора, но с плечом-упором для древка. **Тип 9:** шестигранные в сечении, с игловидным абрисом пера. **Тип 10:** ромбовидные в сечении, с подтреугольным

абрисом пера. **Тип 11:** подквадратные в сечении, с игловидным абрисом пера. **Тип 12:** округлые в сечении, с игловидным абрисом пера. *Раздел* – наконечники без выраженного упора и плеча-упора для древка, с плавным переходом к черешку. **Тип 13:** пятиугольные в сечении, с подтреугольным абрисом пера. **Тип 14:** подпрямоугольные в сечении, с эллипсоидным абрисом пера. **Тип 15:** плоские в сечении, с «пламевидным» абрисом пера. *Группа* каменных наконечников стрел насчитывает около 30 экз. *Разряд* черешковых, *раздел* – наконечники, у которых переход к черешку имеет прямой угол. **Тип 16:** изделия с подтреугольным абрисом пера. *Раздел* – переход к черешку имеет острый угол, образуя своеобразные «шипы». **Тип 17:** наконечники с подтреугольным абрисом пера. *Раздел* – переход к черешку имеет тупой угол, образуя плавный переход, без плеча-упора для древка. **Тип 18:** изделия с ромбическим абрисом пера. *Разряд* безчерешковых, с прямой базой. **Тип 19:** наконечники с лавролиственным абрисом пера. *Разряд* – с вогнутой базой. **Тип 20:** изделия с подтреугольным абрисом пера. *Группа* металлических наконечников стрел. *Разряд* – изделия с выступающей втулкой. **Тип 21:** наконечники плоские в сечении. *Разряд* – черешковые. **Тип 22:** изделия плоские в сечении. *Группа* роговых наконечников стрел. *Разряд* – втульчатые. **Тип 23:** округлые в сечении изделия, с подромбовидным абрисом пера. *Группа* деревянных наконечников стрел. **Тип 24:** округлые в сечении изделия, с подромбовидным абрисом пера. Разнообразие типов наконечников стрел, вероятно, говорит об их охотничьей специализации, а некоторые из них могли использоваться как боевые. К промысловым орудиям относятся изделия из рога – тип 23 и из дерева – тип 24, которые отнесены нами к так называемым томарам для охоты на пушного зверя.

Среди орудий труда известны костяные копьевидные орудия, наконечник стрелы для самострела, гарпуны, костяные трубочки, различные орудия гончарного производства (лопаточками для заглаживания, формовки посуды в процессе ее изготовления), орудия для обработки кожи (лощила-скребки для скобления и разминания кожи, скребки-ножи для снятия мездры с кожи, кочедыки изготовленные из лопатки животных для разминания и разрыхления растительных волокон, проколки и др.). Известны изделия предназначенные для земляных работ (роговые мотыги). Каменные орудия представлены скребками, дисками, оселками, абразивными изделиями, пестами, отбойниками, теслами, шлифованными ножами, ядрами для пращи (?), грузилами, наковальнями. Среди бронзовых орудий необходимо отметить ножи без рукоятки, четырехгранные шилья с деревянной

ручкой. Среди украшений отмечены металлические серьги в один и полтора оборота, браслет из костяных и пастовых бусин-колекчек.

В третьем параграфе представлен анализ предметов культа и оружия. К оружию относятся два пластинчатых ножа, шесть бронзовых выгнутообушковых ножа с орнаментированной рукоятью и навершием, оформленным в виде кольца или головы лошади. Обломок черенового кинжала с наличием на клинке нескольких ребер жесткости был обнаружен на поселении Березовая Лука. Случайными находками представлены четыре наконечника копья с «вильчатым» стержнем пера и одна литейная форма для его отливки, а также восемь экземпляров кельтов. К категории оружия относятся некоторые типы черешковых костяных и каменных наконечников стрел, бронзовый наконечник сейминско-турбинского типа. Среди предметов, которые использовались в ритуальных целях, можно отметить орнаментированное роговое навершие «Г-образной» формы, каменные сосуды, каменные песты со скульптурными изображениями голов животных, каменный «алтарь», а также, вероятно, металлические плоские в сечении наконечники стрел с черешком. Особую категорию вещей составляют астрагалы с различными следами подшлифовки, орнамента и отверстий.

Глава IV.

ДАТИРОВКА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В первом параграфе проведена корректировка датировки елунинской культуры на основании радиоуглеродного анализа. Результаты радиоуглеродного датирования основаны на образцах, взятых в процессе обследования и изучения памятников Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I, Елунино-I, Коровья Пристань-III и представлены восемнадцатью датами. Наиболее компактно располагаются восемь дат – четыре из них укладываются в XVII в. до н.э. и столько же – в XVIII в. до н.э. Общая датировка елунинской культуры по датам определяется в рамках XX–XVII вв. до н.э.

Во втором параграфе намечена внутренняя периодизация памятников елунинской культуры. На основе анализа погребального обряда, вещевого комплекса можно выделить два этапа в развитии культуры. Ранний, характеризуемый материалами поселения Березовая Лука, могильников Староалейка-II, возможно, Елунино-I этап датируется XX–XVIII вв. до н.э. Поздний этап включает могильники Цыганкова Сопка-II, Телеутский Взвоз-I, возможно, поселение Боровое-III, и датируется XVIII–XVII вв. до н.э.

В третьем параграфе, опираясь на данные эталонных памятников эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая – поселения Березовая Лука и могильника Телеутский Взвоз-I, уточняются параметры такого явления в древней истории, как елунинская культура. На основе характеристики и анализа вещевого комплекса выделены культурные индикаторы для елунинских памятников – оригинальные наконечники стрел с характерно выраженным упором для древка, в виде сужения в нижней части пера (типы 1–8). Его можно считать специфической деталью елунинских наконечников стрел (Грушин, 2001). Полученные результаты анализа керамики позволяют определить культурную принадлежность и соотношение различных традиций в орнаментации посуды эпохи ранней бронзы. В елунинский керамический комплекс входит посуда только первого типа (по классификации Ю.Ф. Кирюшина), однако не ограничивается им. Характеристика елунинского керамического комплекса определяется устойчивым набором способов и приемов орнаментации посуды, куда входят «шагающая гребенка», «отступающая палочка», «гребенчатая качалка», «гладкая качалка», «прочерченная палочка». Другие приемы украшения на елунинской керамике встречаются гораздо реже. Автором выделены две орнаментальные традиции в елунинском керамическом комплексе. По способу движения орнамента по поверхности сосуда, традиции можно обозначить как «шагающая» и «отступающе-прочерченная». На основе анализа данных погребений дается характеристика основных элементов погребального обряда населения елунинской культуры.

В третьем параграфе также представлен вариант соотношения елунинской археологической культуры с сопредельными культурами. Погребальный обряд, вещевой комплекс, обнаруженный в погребениях кротовской и елунинской культур, значительно отличаются друг от друга. Костяные наконечники стрел некоторых типов могут рассматриваться как индикаторы для памятников обеих культур. Анализируя опубликованные керамические комплексы, мы пришли к выводу, что материалы Верхнего Приобья с поселений Кротово-VII/VIII, Морайка, Киприно, Ирба проявляют большее сходство с посудой памятников елунинской культуры, чем с кротовской керамикой поселений Барабы – Преображенка-III и Венгерovo-Ia. Последние, в отличие от комплексов Верхнего Приобья, характеризуются большим количеством керамики, украшенной гребенчатым штампом (Молодин, 1985). Таким образом, по нашему мнению, рассматриваемые памятники Верхнего Приобья можно считать единокультурными, за которыми целесообразно оставить название – памятники елунинской культуры. Под кротовской культурой в таком случае следует понимать памятники Бара-

бы – Сопка-II, Абрамово-11, Преображенка-III и др., возможно, Среднего Прииртышья. Различия, зафиксированные в кротовских памятниках Барабы и елунических лесостепного Алтая, объясняются также причинами хронологического порядка. Основной массив кротовских погребений на могильнике Сопка-II В.И. Молодин датирует вместе с позднекротовским этапом XIV–XII вв. до н.э. (Молодин, 1985). Памятники елунической культуры, на основании серии радиоуглеродных дат, определяются XX–XVII вв. до н.э. Не исключено, что отдельные группы елунического населения приняли участие в формировании населения кротовской культуры (Кирюшин, 1992; Грушин, 2000; Гришин, 2002). Нам представляется, что кротовские памятники Прииртышья, Барабы, елунические – лесостепного Алтая входят в одну историко-культурную общность, которая определяется, прежде всего, сходством керамических комплексов. Для каждой территории данной историко-культурной общности, которую целесообразно обозначить как кротовско-елуническую, так как данный термин уже был озвучен в научной литературе (Глушков, 1988; Косарев, 1993), характерны свои особенности, которые позволяют, на наш взгляд, рассматривать их не только как локальные территориальные варианты, но и как разнокультурные явления, о чем уже говорилось выше. Специфика, вероятно, определяется различными компонентами, участвовавшими в формировании той или иной культуры, а также возможными хронологическими различиями.

Картографирование памятников с учетом выявленных культурных индикаторов (керамических комплексов, костяных наконечников стрел) показало, что на востоке граница распространения «чистых» памятников елунической культуры определяется достаточно узкой полосой – не более 50 км вдоль правого берега Оби. Данная территория, по нашему мнению, была контактной зоной с инокультурным населением. Об этом говорят материалы с поселенческих комплексов на оз. Иткуль – Костенкова Избушка, Коровья Пристань-I, II, III, поселений Комарово-I, Боровое-III, Аэродромное, Енисейское, Малоугрениво, Усть-Кажа и др., в которых присутствуют смешанные керамические материалы. Кроме традиционной елунической посуды, там встречена керамика, украшенная гребенчатым штампом, насечками, пальцевыми вдавлениями и другими элементами, некоторые из них можно трактовать как крохалевские (Абдулганеев, 1985). Граница распространения елунической культуры маркируется, вероятно, памятниками крохалевского типа – Усть-Алеус-VII, Крохалевка-IV на севере (Полосьмак, 1978) и близкими к ним комплексами типа Новенькое-VI на западе (Абдулганеев, 1985) с яркими керамическими комплексами,

резко отличающимися от елунинских. «Крохалевские» материалы в большинстве случаев сопровождаются елунинской керамикой. Такие памятники «окаймляют» основную территорию распространения елунинских комплексов, очерчивая северную границу распространения данной культуры. Вероятно, расположения «чистых» елунинских памятников, преимущественно на левом берегу Оби и Приобском Плато, подчеркивают скотоводческую направленность хозяйства елунинского населения, что определило их расселение в степном регионе.

Выделенные две основные орнаментальные традиции в елунинской керамике – «шагающая» и «отступающе-накольчатая», отражают, на наш взгляд, два различных компонента, принявших участие в формировании елунинской манеры декорирования посуды. Обе традиции связываются нами с местными неолит-энеолитическими традициями в украшении керамической посуды лесостепного Алтая. «Отступающе-накольчатая» – с кипринским типом керамики, выделенным М.Н. Комаровой (1956); «шагающая» – с первым типом большемысской энеолитической культуры, выделенной Ю.Ф. Кирюшиным (1986). Несмотря на то, что синтез обозначенных выше традиций мог происходить еще в предшествующую эпоху, наиболее полно он проявился именно в материалах елунинской культуры бронзового века. Погребальные сооружения, орудия труда, оружие не находят преемственности в предшествующую эпоху. Орнаментальные традиции эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая, уходящие в предшествующее время, передавались преимущественно по женской линии. В антропологическом отношении данный компонент в культуре связан с метисным типом с выраженными монголоидными признаками. Носителями традиций в металлургии, а также, вероятно, в религиозной сфере, которая, в частности, проявлялась в погребальном обряде, было мужское население, с ярким европеоидным антропологическим типом. Данный компонент культуры не находит преемственности в предшествующее время и является пришлым. Нам представляется, что пришлый компонент связан с культурами степной полосы Евразии. Удивительное сходство отдельные элементы погребального обряда и материальной культуры елунинского населения проявляют с ранними андроновскими комплексами Северного и Восточного Казахстана типа Петровки, Усть-Буконь, Канай, Южного Урала – синташтинскими памятниками, а также с окуневскими комплексами Минусинской котловины. Общие компоненты в памятниках степной и отчасти лесостепной полосы Евразии связаны, вероятно, со сходными мировоззренческими представлениями; общими корнями происхождения культур; этнической близостью населения, оставившего памятники данных культур.

В **заключении** подведены итоги исследования, определены основные направления и дальнейшая стратегия изучения памятников лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Грушин С.П. Типы кенотафов и причины их сооружения // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: Тез. докл. Международной науч. конф. СПб., 1996. С. 20–22 (0,1 п.л.).
2. Грушин С.П. Изучение эпохи ранней бронзы на Алтае // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. науч. конф. Челябинск, 1997. С. 33–34 (0,1 п.л.).
3. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия Лаборатории археологии: Материалы V Всерос. науч. семинара. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 24–28 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
4. Грушин С.П. Эколого-географическая среда и месторасположение поселений в Угловском районе Алтайского края // Поселения: среда, культура, социум: Материалы Международной конф. СПб., 1998. С. 41–44 (0,2 п.л.).
5. Грушин С.П. Керамический комплекс эпохи ранней бронзы с поселения Боровое-III // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 61–70 (0,5 п.л.).
6. Грушин С.П. Некоторые показательные признаки относительной хронологии могильников эпохи ранней бронзы с Верхнего Приобья // Археология, этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. науч. конф. Улан-Удэ, 1998. С. 48–49 (0,1 п.л.).
7. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 250–252 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
8. Грушин С.П. Индоиранские элементы в погребальном обряде племен I пол. II тыс. до н.э. лесостепного Алтая // Материалы XXXVII Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс: История». Новосибирск, 1999. Ч. 2. С. 23–24 (0,1 п.л.).

9. Грушин С.П. Ляпуново-I – новый памятник эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. научн.-практ. конф. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 77–79 (0,2 п.л.).
10. Грушин С.П. Результаты исследования памятников археологии в Угловском районе Алтайского края // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 17–26 (0,5 п.л.).
11. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 391–396 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
12. Грушин С.П. К вопросу о диагностирующих признаках «вторичных» захоронений // Материалы XXXVIII Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс: История» Новосибирск, 2000. С. 14–16 (0,2 п.л.).
13. Грушин С.П. Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2000. С. 37–38 (0,1 п.л.).
14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район. История и культура. Барнаул; Павловск, 2000. С. 23–35 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VIII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 297–302 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
16. Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 53–60 (авт. вкл. – 0,3 п.л.).
17. Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы с памятника Молоково-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 112–114 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).

18. Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Тез. докл науч. конф. Барнаул, 2001. С. 84–89 (0,3 п.л.).
19. Грушин С.П. Наконечник стрелы сейминско-турбинского типа с Верхней Оби // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западносибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001. С. 29–32 (0,2 п.л.).
20. Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 50–55 (0,3 п.л.).
21. Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конф. Барнаул, 2001. С. 217–220 (0,2 п.л.).
22. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 33–42 (авт. вкл. – 0,3 п.л.).
23. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Некоторые планиграфические наблюдения на погребально-поминальных комплексах Верхнего Приобья эпохи ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 40–49 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
24. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Результаты и перспективы исследования памятников эпохи ранней бронзы на территории предгорно-равнинной зоны Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западносибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001. С. 156–159 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
25. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая Гора в Верхнем Приобье // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной науч. конф. СПб., 2002. С. 153–155 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).

Сдано в печать 12.04.2002 г.
Объем 1,5 печ.л. Тираж 100 экз.
Печать офсетная. Бесплатно. Заказ _____

Типография Алтайского госуниверситета:

656099, Барнаул, ул. Димитрова, 66